

А.А. Konov

Training the Railway Engineers on the Ural Railway Transport in 1956–1991

Konov Alexey Alexandrovich, Candidate of Sciences in History, doctoral candidate, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;

e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Abstract. *The author studies the process of forming the new engineer specialities connected with electrification of the railroads. In the period of modernization all the railway specialities stood out from the engineer speciality on electrification. As the result of modernization the educational level of the Ural railroaders became high enough.*

Keywords: *railroad, railway institute, engineer, electrification, modernization.*

УДК 94(470.5)

Г.Е. КОРНИЛОВ¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГОДЫ

Аннотация. *В статье анализируются изменения в жизни крестьян — колхозников Урала, наступившие после коллективизации сельского хозяйства. На основе архивных материалов, в первую очередь бюджетных обследований крестьянских семей, сделан вывод, что трансформировалось соотношение земледельческих и неземледельческих занятий крестьянства, ликвидировалась система отходничества, изменились статус и роль женщин в сельской жизни.*

Ключевые слова: *колхоз, коллективизация, отходничество, набор, земледельческие и неземледельческие занятия, Урал.*

1930-е годы представляют собой один из этапов аграрного перехода (перехода от традиционного общества к индустриальному). Как форма ведения сельского хозяйства коллективное хозяйство, или колхоз, насаждались в первой половине 1930-х гг. Коллективизация сельского

¹ Корнилов Геннадий Егорович, д-р ист. наук, профессор, заведующий Центром экономической истории ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: genakorn@mail.ru.

хозяйства являлась частью сталинской индустриализации, в рамках которой она служила двум главным целям: повышению товарности сельского хозяйства и ликвидации крестьянских «мелкособственнических производителей» как класса, который мог противостоять социалистической реконструкции народного хозяйства и общества.

В отечественной историографии основное внимание уделяется процессам массовой коллективизации, ее темпам, размаху, последствиям. Изменение уклада сельской жизни практически не получило широкого отражения в научной литературе. В статье анализируются три компонента явных и скорых трансформаций в жизни крестьянства Урала в 1930-е гг.: изменение в соотношении земледельческих и неземледельческих занятий, отказ от отходничества, трансформация роли сельских женщин. Эти три процесса, получившие распространение в ходе и результате коллективизации сельского хозяйства, стали основой дальнейшей жизни колхозной деревни в сталинский период. Базу исследования составили бюджетные обследования хозяйств колхозников Свердловской области.

Противостояние крестьянства и государства продолжалось до середины 1930-х гг. и закончилось победой властей. Фактором «смирения» крестьянства с колхозом стала определенная смена государственной политики по отношению к селу после окончания голода в 1933 г. Стержнем политики либерализации стало воплощение положений Примерного устава сельхозартели, принятого II Всесоюзным съездом колхозников-ударников в феврале 1935 г. [1, с. 519–530]. Компромисс о землепользовании, заложенный в нем, являлся основой отношений между властями и крестьянством на протяжении всего оставшегося сталинского периода.

Коллективизация заложила основы изменений сельской жизни. Колхоз стал дополнением к индивидуальной домашней экономике крестьянского двора. Крестьянство было лишено ее главных компонентов сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, индивидуальный крестьянский двор остался в основном неповрежденным. Здания, хозяйственные постройки, домашний скот, простые орудия труда, утварь не были переданы в колхоз. Они стали основой, фундаментом семейного хозяйства, которое получило название «подсобное». Оно давало возможность ограниченного, но достаточно широкого диапазона действий — и земледельческих, и неземледельческих.

Не получая достаточных средств за работу в колхозе, колхозники вынуждены были вести личное хозяйство, чтобы выжить.

Уставом сельхозартели 1935 г. крестьянское хозяйство и его ядро — личное подсобное хозяйство (ЛПХ), приусадебный участок были официально признаны как основа крестьянского пропитания и источника дополнительного дохода, при этом право пользования приусадебными участками зависело от членства в колхозе. Часть произведенной продукции в ЛПХ должна была передаваться государству (или прямые натуральные поставки, или в форме налогов). По данным Свердловского облуправления нархозучета, в бюджете колхозного хозяйства за 1938 г. доля доходов от личного хозяйства в денежном выражении составляла 45,6% (36,8 % от животноводства, 8,8 % от усадебного участка) и 54,4 % от колхоза, в 1939 г — соответственно: 41 и 59% [2, с. 108].

Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника — из колхоза на трудодни. Чтобы «стимулировать» трудовую активность колхозников, в 1939 г. был введен обязательный минимум трудодней, что на практике означало, что право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в зависимость не только от членства в колхозе, но также от участия в общественном производстве. В этой системе главным рычагом управления властей колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, на сокращение подсобного хозяйства. В 1939–1940 гг. под лозунгом борьбы с «частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами» прошла волна ограничений и произошло обрезание земельных участков у колхозников и единоличников. К концу ноября 1939 г. по Свердловской области были отрезаны излишки земель площадью 10898,5 га (у 37340 дворов колхозников, у 3817 — единоличников, у 30814 — прочих нечленов колхозов) [2, с. 119]. Одновременно завершилось сселение хуторов. К концу 1939 г. сселению подверглись 2059 хозяйств (1533 колхозников, 301 — единоличников, 225 — других нечленов колхозов) [2, с. 124].

В пределах крестьянского двора произошли изменения в распределении трудового времени. В корреляции с повышением сельской миграции в начале 1930-х гг. увеличилась важность отходничества по сравнению с периодом предколлективизации. Но в отличие 1920-х гг. это не было признаком экономического динамизма и модернизации. Страшная потребность теперь стала главной движущей силой для отхода — получение заработка в другом месте для пропитания крестьянской семьи. В 1930-е гг. доход от работы вне колхоза сокращался и уже не имел столь сильного воздействия на домашнее процветание. С ликвидацией артелей отходников

и превращением сезонных работ в круглогодичные действия, крестьянские чернорабочие миграции потеряли преимущества, которые давал рынок, когда позволялось отходникам определять сроки работ, договариваться о хорошей зарплате, условиях проживания. Данные бюджетных обследований за 1938 г. по Свердловской области позволяют выяснить трудовые затраты в личное и общественное хозяйство в среднем на один колхозный двор. Из общего рабочего времени труд в колхозе занимал 69,6 % у всех колхозников области, в МТС — 2,5 %, в работе по найму — 6,4 %, в своем подсобном хозяйстве — 21,5 %. Существенная разница фиксировалась в общих затратах времени у женщин и мужчин. Если женщины в колхозных работах затратили 61 % времени, то мужчины 69,9 %, в ЛПХ — соответственно: 34,9 и 4,2; в работах МТС: 0,1 и 6,2; в работе по найму: 4 и 10,1 [2, с. 110].

В конце 1920-х – 1930-е гг. основным источником кадров для обеспечения нужд промышленности, особенно строительства, было крестьянство. Материалы профсоюзной переписи, проведенной в 1932–1933 гг., показали, что практически во всех отраслях промышленности на Урале более половины занятых составляли бывшие крестьяне. Перепись зафиксировала и крестьян, которые сохранили связь с сельским хозяйством [3, с. 208].

Отток из деревни в начале 1930-х гг. усилился. Советское государство попыталось регулировать отходничество, связать его с задачами индустриализации страны. Чтобы остановить ставший неуправляемым отток из деревни, в основном из-за голода, и попытаться направить самотек в «нужное русло», было принято несколько спецпостановлений ЦИК и СНК СССР в 1930–1934 гг., которые изменили суть отходничества, превратив его в организованный набор рабочей силы из деревень. Так, по постановлению «О порядке отходничества из колхозов» (17 марта 1933 г.) отходниками теперь считались лишь те лица, которые заключили договор с хозяйственной организацией [4, с. 221].

Другой мерой, призванной оградить города от наплыва самовольных переселенцев, стало введение с 1 июля 1933 г. на территории Уральской области паспортной системы с обязательной пропиской по месту жительства [5, л. 27]. В сельской местности паспортов не вводили, сделав оговорку «в случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывшие на длительное или постоянное место жительства в местностях, где введена паспортная система, они получали паспорта в районных или городских управлениях рабоче-кре-

стьянской милиции сроком на 1 год» [6, ст. 221]. Колхозники-отходники, самовольно бросившие работу на предприятии или уволенные за нарушение трудовой дисциплины, лишались права проживания в данной местности и подлежали выселению в административном порядке. Эти нововведения нашли отражение в постановлении СНК СССР от 19 сентября 1934 г. «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» [7, с. 707].

После практической «ликвидации» отходничества масштабный уход крестьян был фактически бегством из деревни. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. запрещало исключать колхозников из колхозов [8, л. 21]. По Свердловской области за 1937–1938 гг. было исключено из колхозов 2138 хозяйств. Основная причина — самовольный уход на производство в город, в кадровый состав лесозаготовок, в сельские государственные и кооперативные учреждения. Выход из колхоза, а затем отъезд из деревни грозил ликвидацией сельхозартелей. В колхозе им. Сталина Таборинского района из 27 дворов осталось 10. Пришлось нанять вольнонаемных для проведения сельхозработ. Колхоз практически развалился [9, л. 178–187]. За первое полугодие 1938 г. выходы и исключения из колхозов в ряде районов приняли огромные размеры. В Полевском районе выбыло 16 % хозяйств, в Висимском — 12,7, в Первоуральском — 8,3 %. Из колхоза уходили чаще всего без уведомления правления, никто не требовал каких-либо компенсаций за переданный колхозу скот и инструменты, поскольку ушедших из колхоза исключали [10, л. 22–24].

В постановлении СНК СССР «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов» от 21 июля 1938 г. отмечалось, что учет отходников поставлен плохо, в ряде колхозов Свердловской области не хватает рабочих рук. С 1 сентября 1939 г. Комиссия по оргнабору рабочей силы при СНК РСФСР стала выделять наряды на вербовку рабочей силы только для нужд строительства, лесозаготовок, угольной, торфяной и рудной промышленности, рыбных промыслов и сахарных заводов [11, с. 95, 96]. К концу 1930-х гг. отходничество как несельскохозяйственное занятие, приносящее доход, перестало существовать.

По данным бюджетов крестьянских семей приход денег от работы вне своего хозяйства, лично-промысловых занятий в Свердловской области (в административных границах 1937 г.) в 1927/28 г. составлял 25,7% от всего денежного дохода, а в 1936 г. — 0,4% [12, л. 52].

Снижение дохода от отхода, который после коллективизации перерос практически в повинность колхозников (трудгужевая повинность, лесозаготовки, торфозаготовки, содержание дорог), низкая оплата труда в колхозах заставляли колхозников концентрироваться на сельскохозяйственной работе в своем ЛПХ. В 1939 г. в Свердловской области работа по найму давала 15,1% от всего денежного дохода крестьянской семьи; работа в МТС соответственно — 4,7%. Основным источником поступления денег являлась продажа продуктов сельского хозяйства (43,7%) и скота (13,9%) [2, с. 275]. Продажа овощей, картофеля, молочных продуктов, мяса городскому населению через городские базары привела к тому, что заработки вне сельского хозяйства стали менее привлекательными.

В 1930-е гг. заметна трансформация роли женщин в домашней крестьянской экономике и сельской жизни. С исчезновением больших крестьянских дворов и декларированием фактического равенства супругов постепенно исчезало понятие «семейного главенства». Домохозяин превратился из «кормильца» в представителя двора по хозяйственным делам, на имя которого записывались средства производства и ответственность за выполнение налоговых обязательств. Эти сдвиги обуславливались интенсивным оттоком мужчин из сельского хозяйства и изменением социального статуса женщин, вбивавших в себя не только роли организаторов семейного быта, но и производственные функции. Женщины-колхозницы несли «тройную» нагрузку, которая включала: 1) уход за детьми, традиционные женские занятия в доме, ухаживали за домашним скотом, в первую очередь за коровой; 2) труд на приусадебном участке; 3) обязательную работу в общественном хозяйстве. Женщины стали выполнять тяжелые полевые работы в колхозе, поскольку большое количество мужчин находилось в отходе. Во второй половине 1930-х гг., наоборот, женщины в определенной степени ушли от работы в колхозе, за исключением периода уборки урожая, все их усилия были направлены на приусадебные участки и на заботу о домашнем скоте. Бюджет времени колхозников Свердловской области за 1936 г. показывает, что мужчины трудились 40% всего времени суток, женщины — 52%. Расход времени мужчин на производственный труд (в предприятиях социалистического сектора и в личном хозяйстве) составлял 7 часов в сутки, непроизводственный (обслуживание семьи, учеба и самообразование, участие в общественной жизни) занимал 2,3 часа в сутки на одно лицо. Женщины были заняты в производственном труде 7,2 часа в сутки, в непроизводственном — 5,2 часа.

При этом на ЛПХ мужчины тратили в среднем 0,85 часа в сутки, то женщины — в четыре раза больше — 3,2 часа. Еще большая разница фиксируется во времени обслуживания семьи: мужчины тратили на это 0,2 часа в сутки, а женщины — 4,87 часа [2, с 158–159]. Бюджеты подтверждают рост доли женщин в доход крестьянской семьи. Это имело далеко идущее значение для женского статуса и для отношений между полами в сельской местности.

Аграрная сфера в 1930-е гг. подверглась существенной трансформации. Одни процессы носили объективный характер, другие были вызваны ситуацией, определявшейся политикой государства. Традиционный уклад деревенской жизни, при котором в определенном сочетании находились земледельческие и неземледельческие занятия, был практически ликвидирован, постепенно исчезала работа колхозников вне колхоза, отходничество, изменилась роль и статус женщин, сельскохозяйственные занятия стали основными в получении дохода и в хозяйственной деятельности колхозников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам [Текст] : сборник документов за 50 лет : в 16 т. Т. 2 / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. — М. : Политиздат, 1967. — С. 519–530.
2. Колхозная жизнь на Урале, 1935–1953 [Текст] / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. — М.: РОССПЭН, 2006. — 912 с. (Документы советской истории).
3. Корнилов, Г.Е. Восточный поворот миграции населения на Урал и с Урала в XX веке [Текст] / Г.Е. Корнилов // Демографическая история России и регионов: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Е. Корнилов. — Вып. II: миграции населения. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. — С. 198–226.
4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 16. — 937 с.
5. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 63.
6. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 16.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 49.

8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 265.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 30.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 265.
11. Плановое хозяйство. — 1939. — № 11.
12. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170.

G.Y. Kornilov

Rural Life Transformation at the Urals in the 1930s

Kornilov Gennady Yegorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;
e-mail: genakorn@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the changes in the life of farmers-collective farmers of the Urals, which occurred after the collectivization of agriculture. On the basis of archival materials, primarily budget surveys of peasant families, it is concluded that the ratio of agricultural and non-agricultural occupations of the peasantry was transformed in the first place, the system of waste management was eliminated, and the status and role of women in rural life changed.

Keywords: collective farm, collectivization, organized recruitment, agricultural and non-agricultural occupations, the Urals.

УДК 94(47)+373

Ю.В. ЛАПТЕВА¹

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГОДАХ: сеть и контингент учащихся

Аннотация. В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулись общеобразовательные школы области в условиях Великой Отечественной войны. Автор выявил основные тенденции изменения школьной сети: передача школьных зданий на нужды войны, рационализация сети, изменение соотношения количества разных типов школ. На основе архивных материалов раскрывается, как сохранялась сеть, а также причины движения контингентов.

¹ Лаптева Юлия Владимировна, соискатель, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: julya-kot@yandex.ru.